

Брисов Владимир Евгеньевич

ЛЮБОВЬ.
ПУСТЫНЯ.
РЕНУАР.

Москва, 2015

Владимир Евгеньевич Брисов Любовь. Пустыня. Ренуар

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17188373

Брисов Владимир Евгеньевич ЛЮБОВЬ.ПУСТЫНЯ.РЕНУАР.: Эдитус;

Москва; 2015

ISBN 978-5-00058-306-7

Содержание

Первая часть	5
Вторая часть	23
Третья часть	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Владимир
Евгеньевич Брисов
Любовь. Пустыня. Ренуар
*Авантюрный роман***

*Жадность подобна бездонной пропасти,
А бескорыстие – недостижимой вершине.*

Автор

*Мы не стесняемся лжи,
Мы стесняемся правды.*

Автор

*N.B. Некоторые имена, фамилии Автором
изменены намеренно.*

© Брисов В. Е., 2015

© Оформление. Издательство «Эдитус», 2015

Первая часть

Полётный стресс. Гимн пустыне. Здравствуй, Нукус!

Из-за этой короткой поездки на Восток были нарушены почти все десять заповедей: и кровь, и слёзы, и расколотые сердца... Если бы участники событий заранее знали итог, большинство из них отключили телефоны, заперлись в своих квартирах и выбросили ключи.

Старенький, давно мечтавший о пенсии самолёт, ловил все зоны турбулентности и, казалось, вот-вот рассыплется, предоставив возможность пассажирам добраться до земли без его помощи. Пассажиры снимали полётный стресс крепкими напитками. Дворники, продавцы, строители возвращались на родину в Каракалпакстан с заработанными в России деньгами, казавшимися им солидными деньгами. А от того и пили больше, и гомонили громче, чем обычно на кухнях съёмных квартир.

В этой толпе разнорабочих затерялось несколько женщин с младенцами, старавшимися перекричать пьяных мигрантов. Матери трясли шумных малышей на руках, периодически подсовывая им грудь. Наконец, согласно философскому закону, количество выпитого перешло в качественный храп.

Группа из четырёх москвичей, занимала места, отделён-

ные от основного салона серой занавеской. Эта пыльная штора, возможность вытянуть вперёд ноги и надежда на улыбку стюардессы, определяли их места как бизнес класс. В отличие от общего жужжащего улья, сэкономившего деньги за перелёт. С наступлением относительной тишины, они пытались задремать. Но тут, недопивший здоровяк из эконом класса, затеял громкую перебранку со стюардессой, желая курить непременно в туалете бизнес класса. Вёл он себя ни только «матерно», но и агрессивно, напирая на девушку телом, на голову выше её.

Эдик, с набитыми «шишками» на руках, вынул наушники, подошёл к упрямому пассажиру и сказал, указывая на потолок: – Мужик, читай, что написано! – И, когда тот поднял голову вверх, нанёс короткий, резкий удар в область солнечного сплетения. Любитель курить обмяк и молча лежал на полу. Стюардесса и стюард, появившийся сразу после завершения скандала, убрали его с прохода. А Эдик, заверив их, что клиент минимум полчаса будет вести себя тихо, сел в кресло и вернул в уши наушники.

Не зная, как отблагодарить, стюардесса спросила: – Может, кофейку горяченького с коньячком и пирожными?

Все согласились.

– Уснуть уже не удастся, а время убить надо, – сказал Виктор.

– Лихо вы его, – заметил Дмитрий, обращаясь к своему соседу.

Эдик пожал плечами: – Мне за это деньги платят. Бить я умею. Но, по жизни, ничего не смыслю в картинах, от которых вы балдеете всю дорогу, – он кивнул на экран компьютера.

Кофе был растворимый и невкусный, коньяк эсэнговый, а пирожные подсохшие. Зато стюардесса, искренне желая угодить, доливала в рюмки, резала лимончик и суетилась с сахаром.

Выйдя из душного самолёта, Дмитрий втянул в лёгкие сухой воздух Пустыни. Для него она была одушевлённым существом. Мистическим существом, становящимся с каждым годом всё обширнее, сильнее и агрессивнее. Это в шумной, как цыганский табор, Москве он мог подшучивать над её величием и бравировать опасностью. А здесь всё было в её власти. Он сталкивался с Пустыней в Средней Азии, в странах Магриба, Арабских Эмиратах, Китае, Монголии, Израиле... И у каждой, своя индивидуальность: игра красок, музыка песков, танцы барханов или неподвижность камней. Она многолика и огромна. Площадь североафриканской Сахары сопоставима с территорией США, а небольшая израильская пустыня Негев равна Черногории.

Пустыня поглотила народы, создававшие древнюю историю мира: шумеров, египтян, вавилонян, ассирийцев, карфагенян... В окружении песков возникли Ветхий и Новый Заветы, Коран. Из неё встали бесчисленные орды Чингиз-хана, арабские и турецкие завоеватели, талибы, Исламское Го-

сударство. Сыны пустыни сеют страх террора, расплзающегося по миру, как эпидемия. Там, где из песков течёт нефть, на глазах поднимаются небоскрёбы и дворцы вчерашних нищих кочевников. Растут амбиции и притязания их правящих элит. В песках зарождается Третья мировая бойня.

А тут он, Дмитрий Новиков с мелким, шкурным интересом: – Повезёт ли на этот раз, с его криминальной миссией и ложной легендой о цели поездки? Получит ли он обещанные деньги, встретит ненависть или любовь? Пески Пустыни никогда не скажут правду. Они сами не знают, куда понесёт их ветер, и чем окажутся в итоге: пылью, утекшей сквозь пальцы, покрывалом, скрывающим нефтяные сокровища или песком, считающим время, перетекая из одного стеклянного конуса в другой.

У трапа самолёта встречает постаревший, ссутулившийся Темирхан, с ещё с молодым, цепким взором и широкой улыбкой. После приветствий и представлений он забирает паспорта прибывших. Самим оформлять документы, проходить регистрацию, таможню, для уважаемых гостей считается неприличным. Бюрократическую работу взяла на себя девушка в лёгкой ветровке с капюшоном и в юбке, ниже колен. Одежда серого цвета, как камуфляж, делают её незаметной. – Светлана будет гидом и моим главным помощником в работе с вами. – Говорит Темирхан.

Он окинул взглядом московскую четвёрку: руководитель телевизионной группы Виктор с напряжённым, недовер-

чивым взглядом, упакованный в продукцию престижных фирм, с ценой, напоминавшей телефонный номер. Рядом Эдик, его бодигард (телохранитель) со статичным лицом, накаченными мышцами и кейсом, пристёгнутом наручниками к левой руке; безразличные глаза и модельная фигурка Ляли, обременённой парой новеньких фотокамер. И сын его давнего друга, с годами всё больше похожий на покойного отца, Дмитрий Новиков, самый старший в этой разновозрастной группе. Темирхан прикинул про себя его возраст: – Да, неполных сорок пять. И также, как когда-то отец, в курсе всех событий. Давно здесь не был, а одет, согласно прикиду местных начальников в кипенно-белую сорочку с коротким рукавом и дорогой летний костюм из Арабских Эмиратов, с пиджаком, переброшенным через плечо. И обязательно с дорогостоящими котлами. Смотрится, как свой.

Дмитрий почувствовал на себе взгляд старого друга. Он хорошо знал эту азиатскую манеру рассматривать незаметно, не глядя в глаза. Вы можете сидеть в огромном зале ресторана, набитого местными и чувствовать себя одиноким, потому что при встречном взгляде, все будут опускать глаза вниз или отводить в сторону. Российская манера буравить незнакомца злобным или даже ненавидящим взглядом, в Азии не прижилась.

Здесь же у трапа их ждал фордовский микроавтобус с крупными символами по обеим сторонам машины: знамя и герб республики Каракалпакстан. По дороге в Нукус посто-

янно встречали армейские патрули и наряды полиции. Но их никто не останавливал, видя на машине номер и пропуск Жокаргы кенеса (республиканского парламента). – Столько военных и полиции, что-то происходит? – спросил Дмитрий. – Да, межнациональные трения, за которыми спрятаны клыки коммерческих интересов. Но на вашей программе это не отразится.

Вскоре встретили и участников событий: толпу людей с горящими факелами и воспалёнными ненавистью глазами. Дехкане (крестьяне), сжимавшие в руках кетмень (мотыгу). Оборванцы с рынка, живущие от подачи до подачи, вооружённые, самодельными найзами (копьями), сделанными из ножа, плотно прикрученного к длинной палке. Безработные – вчерашние водители строители, чабаны, прихватившие с собой топоры и спрятанные под халат старые ружья. Все сбились в стадо по команде бродячего муллы. Сейчас они, скованные общей идеей, начнут громить своих соседей, представителей не титульной нации или другого течения в исламе. Жертв таких погромов Дмитрию ещё в молодости пришлось видеть в Сумгаите, Оше. Облитые бензином, заживо сожжённые, искалеченные, изнасилованные, с разграбленными домами, угнанным скотом. – Надеюсь, до крови не дойдёт, пошумят, побьют окна и разойдутся, – сказал Темирхан, – мы пока ситуацию контролируем.

Машина мчалась по тёмным улицам. В ночи прочерчивались контуры однотипных домов. Наконец, въехали во

двор одноэтажного особняка, отделённого от внешнего мира охраной и высоким дувалом (стеной, характерной для Средней Азии). – Здесь всё своё, как в подводной лодке, автономное снабжение светом и горячей водой. В городе напряжённо и с тем, и с другим. Даже, видите, зелёные насаждения есть, в городе вся зелень гибнет от песчаных бурь. – Объяснил Темирхан. Он пригласил всех в гостиную. На столе стояли чайники, икорница с чёрной икрой, в традиционном для Азии паюсном исполнении, маслénка со сливочным маслом, розетки с вареньем, халва с фисташками, лежал нарезанный хлеб и горячие лепёшки, самса (пирог) с бараниной и тыквой, только вынутые из тандыра (печь-жаровня).

– Такое впечатление будто ничего не изменилось. Может время приходит сюда ночевать? – сказал Дмитрий. Темирхан посмотрел на часы: – Ох, уже четыре утра, не забывайте у нас завтра, то есть сегодня, большая экскурсия на вертолёт. В 10–00 должны быть на военном аэродроме. А туда минимум час езды. – Он встал из-за стола: – Воду из-под крана не пить. К употреблению пригодна только минеральная. Дмитрий проводил его до дверей и вручил конверт с тысячей долларов. – А вы говорите, ничего не изменилось, когда это мы с вашим отцом брали деньги друг у друга? Теперь всюду расчёт. Вот, номер моего мобильного для друзей, если что, сразу звоните.

Утром ещё до наступления жары бодро выскочили из города, пробок здесь не бывает, и поехали по просёлочной до-

роге, прыгая по камням и ухабам. Путь к военной базе, когда-то специально был проложен по ненаселённой местности. Внезапно водитель за поворотом резко свернул на тропу, идущую между высокими камнями и спрятал машину за ними.

– Ты что Юсуф, плохо себя чувствуешь, или мальчики направо, девочки налево? – Соображение одно возникло, Темирхан Полатович, разрешите проверить. – Ладно, проверь, – кивнул Темирхан. Водитель вышел из машины. Тихо закрыл дверцу и вскарабкался на каменный валун. Темирхан в его оправдание сказал: – бывший комитетчик, воду в песок лить не будет. Минут через 15 или 20 водитель вернулся: – Точно, за нами следят, делали вид, что едут отдельно друг от друга. А сейчас, когда нас потеряли, стояли вместе и ругались, потом звонить начали.

– Может быть местные репортёры или просто любопытные на предмет, что москвичи делать будут с экологической катастрофой? – Предположил Виктор. – Народ, конечно, у нас любопытный, но боюсь причина более серьёзная, какая-то структура пасёт гостей из Москвы. – Сказал Темирхан. – Позвоню-ка я полковнику Рамазанову, начальнику военного аэродрома, пусть грузовичок с солдатами пришлёт для нашего сопровождения. И заберёт байкеров, узнать кто такие и зачем за нами следят. После вертолётной экскурсии возвращаться будем по оживлённой трассе. Немного дольше, но безопасно. Прибывшие солдаты действительно задержа-

ли байкеров под предлогом попытки проникновения на закрытый объект.

Экскурсия началась необычно. Их гид Светлана появилась в традиционном для мусульманок чёрном платье – абайя. Часть лица и пышные каштановые волосы, стремящиеся вырваться на волю, скрывал не менее чёрный хиджаб. Затем она спустила на лицо никаб, оставивший только прорези для глаз. Теперь Дмитрий заметил, что глаза у неё редкого изумрудного цвета. Натянула перчатки из тонкой ткани. И провела короткое дефиле традиционной исламской одежды, сменив пару-тройку накидок на платье, хиджабов и никабов, от самых строгих до расшитых по краю тонкой полосой серебряной нити или не яркими стразами. Перфоманс вызвал неформальный интерес мужчин и нескрываемое любопытство единственной женщины.

– Даже в этом наряде я угадаю уверенную в себе европейку или американку. У них нет комплекса женщины, зависящей от мужчины. Для них открыты все рестораны, кафе, выставки, театры. Любой столик, любое место на выбор. Имея финансовую самостоятельность, они сами решают с кем и когда встречаться.

А женщина Востока живёт, постоянно завися от настроения мужа, считай господина. Типичная картинка: муж в лёгкой рубашке с коротким рукавом и его жёны, закованные в чёрные одежды, как рыцари в латы. Снятая при постороннем мужчине перчатка, приравнивается чуть ли не к супру-

жеской измене. Заметьте, все эти многочисленные одежды носятся в сорокоградусную жару. – С осуждением в голосе сказал Дмитрий. При этом, решив доплатить гиду за нестандартное дополнение к экскурсии.

– А сцены арабского купания, даже в продвинутых Тунисе или Марокко? Муж режется в шортах для плавания, а жене «так и быть» разрешает в полной «сбруе» постоять столбиком в море. – Иронично заметил Виктор. – Обычный светский разговор с женой знакомого или партнёра по бизнесу – табу. Как можно считать кого-то другом, если не знаешь его семьи, не знаком с женой.

Даже находящийся в медитации Эдик и тот, пробурчал, что показывать только глаза, это обижать Бога, который дал женщинам много всего привлекательного.

– А как же христианские монахини? Разве их одежды не схожи с классическими исламскими? – Начала спор Светлана, «подливая масло в огонь».

Дмитрий: – Конечно одежда похожа, но это свободный выбор, свободных женщин, а не всеобщая повинность. Строгой одеждой монахини демонстрируют безбрачие и безразличие к мирской суете, служба Богу. А женщины Востока должны выражать покорность и принадлежность мужу. В чёрном цвете нет ничего плохого. Полагаю, и мать Христа ходила в чёрном. Но когда под страхом наказания всю жизнь только в чёрном, как у большинства арабов, иранок. Это уже насилие.

– Никогда не поверю, что молодая женщина добровольно

выбирает чёрный балахон, скрывающий достоинства её фигуры, платок и покрывало на лицо, лишаящие смысла модную причёску и косметику?! А на фига тогда муж с деньгами? Покажите мне такую бесплатную, симпатичную и верную жену, и я брошу свою «шопингистку». – Засмеялся Виктор.

– Ну зажечь-то в таком look-е можно, чёрный даже стройнит. Но чтобы весь шопинг вокруг чёрного? Нереально! – Вмешалась единственная в группе девушка Ляля.

– Я как-то одного областного босса охранял в Йемене. Так его тёлки, пардон, – девушки-эскорт, разделись до купальников на городском пляже, а местные по нам камнями. Ели отбились. – Вспомнил Эдик и нагнул коротко стриженную голову, предъявляя шрам.

– Традиционной одеждой арабов, а арабы – основатели ислама (как известно Коран написан на арабском), я хотела напомнить, что ночной рейс самолёта доставил вас на Восток. В мир других ценностей и понятий. В песках Азии вас окружают миражи. В них можно верить, можно не верить. Но с обычаями, традициями придётся считаться, не зависимо от того нравятся они или нет. Пока в Средней Азии следовать закону не сложно: у нас, в отличие от южных соседей – Афганистана, Ирана не применяется исламское право – шариат. Не забивают камнями, не носят паранджу – бесформенную чёрную одежду и чагван – сетку из конского волоса, скрывающую от посторонних, даже глаза. Хотя в обществе

всё больше влияние консервативного ислама. Вспомнить хотя бы скандал со старшей дочерью Президента Узбекистана красавицей Гульнарой, снявшейся в спортивной одежде в фитнес зале. Вместо того, чтобы брать пример здорового образа жизни и умения следить за своей фигурой в сорок с лишним лет, её подвергли всеобщему осуждению.

Чёрный цвет одежды, которая на мне, созвучен с траурной темой сегодняшней вертолётной экскурсии, посвящённой экологической катастрофе, сопоставимой с применением атомного оружия. Вы увидите в реальной жизни декорации к фильмам ужасов Хичкока и Спилберга. – Объяснила Светлана.

– Ах ты Лисичка, – подумал Дмитрий, – сумела обратить на себя внимание, вызвать интерес. А ночью, встречая в аэропорту, показалась провинциальной мышкой.

Да, – Дмитрий на личном опыте убеждался ни раз, – природа бывает жестока: то потрянёт Азию, то ураганом пронесётся по Америке, то подарит новый неизлечимый вирус Африке. В рождественский отпуск 2004 года, страшная 15-ти метровая волна за несколько часов лишила жизни треть миллиона человек... Он тогда оказался в Индонезии, недалеко от эпицентра событий. Ездил договариваться с полицией о непутёвом отпрыске известного российского артиста. Парень попался на дозе наркотиков. Выкупить его удалось, благодаря безвластию, принесённому цунами. Дмитрий запомнил, как, скользя и падая, они брели по колено в грязи, в

тошнотворном запахе, перешагивая через не убранные группы. Имея только желание, добраться до вертолётa и исчезнуть, как можно скорее. Сотни тысяч людей оплакивали погибших, а в семье артиста праздновали спасение блудного сына от смертной казни. В чём тут промысел Божий? Дмитрий не знал. За деньги он ехал туда, куда отказывались ехать другие. Один философствующий друг назвал его, бывшего в употреблении интеллигента, «авантюристом поневоле».

И опять вертолёт, как ворон над трупом, кружит над очередной человеческой драмой.

Дмитрий после бессонной ночи мечтал вздремнуть, но эмоциональное выступление гида этому не способствовало. Она сняла никаб, хиджаб и в чёрном платье, с выпущенными на волю вьющимися волосами, была похожа на древнегреческую жрицу. Он с удовольствием следил за её плавными движениями рук и артистичной мимикой. Утомлённый мозг выхватывал лишь отдельные фразы из продолжительного и мрачного повествования Светланы:

– Уровень воды упал на двадцать пять метров и соль убила всё живое. Это, по сути огромное озеро, с древних времён называлось морем: и Синим, и Хорезмским, и Аральским. Водная гладь равнялась тридцати территориям вашей нынешней (большой) Москвы. Теперь оно превратилось в несколько солёных «луж», памятник «покорителям природы». Тем, кто решал задачу любой ценой обогнать Америку по производству хлопка.

– Сейчас мы пролетаем над похожим на кладбище городом Муйнак, ещё недавно центром рыбной промышленности Средней Азии. Сегодня в тень цехов рыбокомбината не заползают ни ящерицы, ни ядовитые змеи. Их сразу сжирают огромные крысы, размножившиеся на тоннах погибшей рыбы. Перед вами разрушенные, как после бомбёжки, жилые дома, скелеты бетонных промышленных строений, ржавые остовы кораблей. Я прошу пилота спуститься ниже... да, вот так хорошо видно. Посмотрите в люки на стелы при въезде в город и на бывшей набережной: на них изображены морские волны и рыбы, а на стеле при въезде в район ещё и голова коровы. Теперь всюду пески, море в 150-ти километрах. Единственные звуки города это жужжанье мух и страшный свист суховея, испепеляющего любую растительность. Город попал в туристический список «ужасов нашей планеты».

– Картина везде похожая: падёж скота, гибель посевов, отравленные пестицидами колодцы... В итоге нищета, рост детской смертности и онкологических заболеваний, массовое бегство из зоны экологической катастрофы. Голодные волки и шакалы подходят прямо к дверям домов.

– Всё ушло, в прямом смысле слова, как вода в песок. И эта беда выпала на долю всего лишь одного-двух поколений.

И вот, наконец-то, после нескольких часов полёта над бывшим морем, сжавшимся, как шагреновая кожа, пассажиры услышали: – Сейчас предлагаю размяться. Наш вертолёт садится на захваченную пустыней территорию, бывшего дет-

ского спортлагеря. Добро пожаловать в мир теней! – Светлана отложила микрофон, и слушавшие её москвичи сняли наушники. Коснувшись земли, вертолёт поднял в воздух песок с солью и пестицидами. Никто не спешил выходить. Ждали, пока осядет ядовитая пыль.

Дмитрий воспользовался паузой, чтобы произвести впечатление на Светлану, к которой чувствовал влечение. В его авантюрной деятельности женщины встречались постоянно. Хитрые – часто, наглые – ещё чаще, продажные – повсеместно, а вот умные, интеллигентные – уже забыл когда. Вертолёт затих, и Дмитрий подсел к Светлане:

– Из того, что сегодня показали, напрашивается вывод – одним вам не справиться. У Каракалпакстана нет ни ядерной, ни информационной кнопки, а СМИ уважают только страх и деньги. Вы попадёте в сводку международных новостей, если здесь совершит аварийную посадку самолёт английской королевы или Папа Римский вдруг упомянет вас в обращении «Urbi et Orbi» (Городу и Миру).

Дмитрий продолжал: – Даже в заезженных темах спутать Ирак с Ираном считается технической ошибкой, а Сомали с Мали – орфографической. Большинство граждан не смогут показать на карте, где воюют и гибнут их солдаты. Зато все знают о смене тренера сборной по футболу, и рекламируемом очередной «звездой» шампуне, который сама «звезда» никогда не рискнёт испытать на себе.

Дмитрий развивал эту тему: – Мне кажется, над Богом

стоит Высший цензор, оценивающий всю информацию в съеденных чипсах, банках пива и мыльных пузырях. Благополучный Запад вспомнил о «в упор невидимой» Азии и Африке, только когда сотни тысяч беженцев ворвались в европейский Эдем. Пока в вашей стране не произойдут события, угрожающие благополучию сильных мира сего, никто ничего не узнает: люди боятся правду, спокойнее жить во лжи.

Светлана: – Я понимаю, что мы на краю Ойкумены и сегодня наш голос неслышен. А завтра обо всём придётся говорить в прошедшем времени: «было море, жили люди». Вообще история Мира непредсказуема. Сталин росчерком пера отдал Каракалпакстан Узбекистану. Будь мы, как прежде, Россией, многое решалось бы оперативно с помощью СМИ. Я пыталась заняться политикой. Но власть, не имея шансов обвинить меня в коррупции, распускает слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации, поскольку в тридцать пять я ещё не замужем.

Дмитрий Новиков нашёл повод предать разговору шарм интимности и спросил: – А почему действительно в свои тридцать пять вы, такая умная, обаятельная, и не замужем?

– Да, да, как у Гоголя, «дама приятная во всех отношениях». – С улыбкой кивнула она. – А если серьёзно, то где их взять, женихов? Русскоязычные уехали, остались те, кто в пути на кладбище. Национальные кадры в быту своеобразны. Роль домашней прислуги «подай, прими, поди прочь» –

не для меня. Таких, как ваш друг Темирхан, единицы. Это пожилые люди, прошедшие советскую интернациональную школу на фронтах Второй Мировой.

Начинаешь встречаться с женатым, сразу получаешь репутацию русской проститутки. А с такой репутацией насильно сажают в машину и, вдоволь поиздевавшись, выбрасывают голой на дорогу.

Она махнула рукой: – Замужество не простая история, как-нибудь в другой раз пожалуюсь на жизнь. Хотя вряд ли вам это интересно, вы сменили надоевшую тему гибели Арала и людей, связанных с ним. Это грустно.

– Так бегите туда, где ещё не разучились смеяться.

– Вы предлагаете мне, как маленькой девочке, закрыть ладошками глаза и поверить, будто ничего вокруг нет. Я не умею бежать без оглядки, я умею ждать, как в сказке спящая принцесса ждала поцелуя своего принца. (– А этот Дмитрий Новиков довольно симпатичный, – решила она, – не глуп, хорошо воспитан. Отец его занимался проблемами Азии на государственном уровне ещё при Советах. Отсюда держится уверенно, как раньше сказали бы, «барственно». По возрасту ей подходит – сорок четыре года. Разведён. Она посмотрела, когда оформляла паспорта. Чуть прищуренный цепкий взгляд человека, знающего цену жизни. Неплохо сложен, выше среднего роста. Располагающая к доверию улыбка. Брюнет, сохранивший седеющую шевелюру. Можно было бы увлечься. Хотя зачем я ему, только как интрижка в па-

мать о поездке?)

– Она не красавица, – думал Дмитрий, – но сколько природного шарма, сколько импровизации, искренности. Того, что называется породой, сквозящей в манере держаться, говорить, слушать. Родись она в другую эпоху, её портреты писали бы Боровиковский, Серов, Маковский, Крамской. Интересно, какая она в близком общении, в постели? При знакомстве с женщиной, помимо его воли, из инстинкта кобеля появлялся вопрос: – Я бы с ней переспал или нет? У него через эту оценочную категорию проходили женщины довольно широкого возрастного спектра.

Если женщина видит идущую навстречу элегантную шубку, ей хочется оказаться в ней. А если мужчина встречает интересную женщину, ему хочется оказаться с ней. Разница только в одном. Женщина с шубкой ищет массового внимания, а мужчина с женщиной ищет уединения.

Вторая часть

Мир теней. Странный Яша с пистолетом

Дмитрию не хотелось покидать вертолёт. За свою жизнь он устал от сцен Апокалипсиса. Назад, в Нукус, отработать предоплату в долларах, остро необходимых ему для погашения долгов. Но, подчиняясь общему желанию размять затекшие ноги, он тоже ступил на твёрдую почву.

Над ними одиноко кружил чёрный коршун, знавший по опыту: там, где люди, там объедки. В тени камней прятались большеголовые ящерицы, да змея, испуганная вертолётom, спешила укрыться за барханами.

Площадь, раскалённая солнцем. На ней деревянные корпуса, ещё не источенные термитами, окна с белыми занавесками, мачта для подъёма флага. Казалось, в лагере тихий час. Вот он закончится, и вырвутся на волю орудия «цветы жизни». Одни начнут гонять мяч, другие плескаться в тёплых волнах, третьи, прячась за клубом, раскурят сигаретку.

Дмитрий потёр глаза, нет, не пригрезилось – на мачте реет красный флаг. От неожиданности вздрогнул, по громкоговорителю зазвучали бравурные песни времён Союза.

– Переутомился, – решил он, – бессонная ночь перелёта из Москвы в Нукус на самолёте, давно заслужившим пенсию.

Плюс эта гремящая котлета, с воткнутой сверху ромашкой, называемая вертолётom. В нём чувствуешь себя частичкой пережаренного фарша. Точнее звучит английское жаргонное словечко «egg-beater» – взбиватель яиц.

Виктор, согласно командировочным бумагам, босс телевизионной группы, встал, как вкопанный. Обозначенная корреспондентом Ляля – двадцатидвухлетняя сексапильная блондинка, не зная о Советском прошлом, вообще не поняла происходящего. Она крутилась то влево, то вправо на высоких каблуках, утопающих в песке. Даже Эдик – угрюмый тридцатилетний телохранитель босса, с кейсом, пристёгнутым наручниками к левой руке, вышел из состояния медитации. Привычно сунул правую руку за пазуху пиджака, но, не обнаружив пистолета, растерялся.

Только что Светлана уверяла их, будто лагерь долгие годы пуст, как и школы, и рыбацкие посёлки, оказавшиеся в сотнях километрах от отступившего моря. Но кто же тогда устроил этот перфоманс? Или всё увиденное – любимая игра пустыни в миражи? А песни – галлюцинации? Не слишком ли много сюрпризов на нескольких сотках песка?

– В конце концов, успокаивал себя Дмитрий, реальны только рождение ребёнка и прощание с умершим. Нельзя младенца засунуть назад в живот матери и невозможно вдохнуть жизнь в покойника. А всё недолгое существование между рождением и смертью: политика, экономика, нравственность, вера... – всё миражи, уносимые ветром времени.

Беззвучно открылась дверь клуба, где когда-то смотрели кино и обнимали девчонок на элитном последнем ряду... На площадь выпрыгнул низенький лохматый человечек неопределённого возраста в выцветшей телогрейке и в белой рубашке с чёрным галстуком под ней. Подойдя к прибывшей группе, он запел частушки, усиливая чувство нереальности происходящего:

– Сырдарья, Амударья – быстрые течения, парень девушку е, – он осёкся, увидев Светлану и молодую незнакомку, и продолжил уже без прежней удачи, – целует за кило печеня! А Сырдарья, Амударья – всю водицу выпили и послушный наш народ во все дыры выдрали!

– Извините, – сказал Темирхан, – я не ожидал такого экспромта на увиденные им русские лица. В Каракалпакстане многие считают, что в гибели Аральского моря повинны русские, спускавшие нам невыполнимые планы добычи хлопка. Поля расширялись, требуя всё больше воды и пестицидов. Реки обмелели, перестали достигать моря. Природа на глазах гибла.

– Так говорите, стало быть, судьбой Арала интересуетесь? И кину про нас сымите, и даже бабла подкинете? Ну-ну. – С сомнением в голосе сказал он. – Так возьмём же мы по лейке и пустыню превратим в цветущий сад! Если доживём, увидим.

Темирхан улыбнулся: – При всех его странностях Яша надёжный человек и лучший знаток пустыни. Он спас десятки

туристов, геологов, заблудившихся водителей, потерявших детей. У нас тут развелось много диких собак. Есть волки, шакалы. И они Яшу слушаются, будто признают за своего. Когда начнёте съёмки фильма, лучшего проводника вам не найти. – С этими словами Темирхан повёл их группу к стоявшему в тени ограды армейскому джипу, со скучавшим в нём офицером.

– Отвези гостей на корабельное кладбище..., – начал было Темирхан, но тут быстро хлопнула дверка машины. Странный человечек уже сидел на переднем сиденье и выталкивал водителя.

– Яша сам отвезёт, – кричал он, – Яша знает пустыню, и пустыня знает Яшу.

– Езжайте, не волнуйтесь, – махнул рукой Темирхан, – если Яша говорит, что его Бог – пески, то сам он – пророк их.

Вёл машину Яша уверенно, но по дороге давал бесплатное представление. Кричал, будто едет на красный свет. Потом уходил от полицейской погони, предлагал инспектору взятку... И весь этот «театр» он разыгрывал среди бескрайних песков, в отсутствие людей и дорог на десятки километров вокруг.

Москвичи молчали. Дмитрий не знал, кто о чём думал, но ему было ясно по тону разговора, по осуждающим взглядам, что Яша раскусил их. Словно ребёнок с первого взгляда определивший, кто из взрослых плохой, а кто хороший.

Наконец, приехали к катерам и баржам, похороненным в

песках.

– Как же это случилось, – недоумевал Виктор, – потерять целую флотилию? – Как бизнесмен он уже прикинул стоимость потерь.

– Как, как? Сядь, да покак. Море резко ушло, значица, километрами ниже, и песок закрыл путь к отступлению.

Общую гнетущую картину усугублял сухой климат: некоторые судёнышки были внешне в рабочем состоянии. Видны надписи на дверях. Новиков представил будто вот-вот выйдут поддатые матросы, а капитаны начнут кричать на них в старые металлические матюгальники. Под дно подкатит морская волна и всё это недоразумение уплывёт.

Яша продолжал всматриваться в «телевизионную» группу: – Вы вот что, господа московские, вы, значица, текайте отсюдава, пока не поздно, а то сами останетесь здесь, как эти корабли, Пустыня всё знает и не любит прощать. К тому же войнушка здесь намечается за газ, за нефть.

Виктор напрягся, внимательно посмотрел на Яшу. А Дмитрий, не раздумывая, сунул ему в карман телогрейки сто долларов (по местным понятиям немалые деньги):

– Если пустыня что-то узнает, пусть сообщит вначале мне, а не кому-то другому.

Новиков понял, что Яша не прост. Он специально коверкает слова и ведёт себя странно, чтобы чиновники смотрели на него, как на «чудика».

Дмитрий вспомнил, как в детстве шёл с отцом через зна-

комый кишлак купаться на Амударью. В центре, у торговой палатки стоял в потрёпанной национальной одежде человек и, будто кривляясь, громко выкрикивал слова. А местные слушали его, прячась в своих домах. Он кого-то ругал, куда-то звал. Когда они, замедляя шаги, подошли ближе, вдруг прошептал: – Проходите, не бойтесь, это к вам не относится.

Позже отец объяснил ему, что это запрещённый бродячий мулла произносил свою проповедь. И добавил: – Понимаешь, если бы он говорил нормальным языком, его бы забрали. У жителей кишлака могли быть неприятности, почему слушали и не пресекли проповедь сразу? Почему по начальству не доложили? А так получается, прокричал убогий что-то, а местные, то ли слышали, то ли нет. «Кто слушал дурака? Лес, да река».

* * *

...Они появились внезапно, будто вынырнули из песка, выросли из собственных теней, и замаячили за большой, лежащей на боку, баржей. Коренастый рыжий пёс со шрамами на морде и его стая, потрёпанная в схватках за добычу и территорию. Таким бойцам не страшны ни волки, ни шакалы. Если первых они обойдут, то вторых порвут сами.

В мозгу молнией блеснула мысль: именно эту стаю он видел в кошмарном сне накануне полёта из Москвы в Нукус. Стало страшно, когда за винтом катера, как и во сне, ему по-

мерещилась сильная, крупная собака с двумя головами.

Эдик опять привычным движением сунул руку под пиджак, и опять, не обнаружив пистолета, обматерил авиакомпанию и схватил валявшуюся палку.

Яша остановил его: – Не надо пужать их, покусают, а то и сожрать могут. Здесь уже не человечесья власть, а волков, шакалов да диких собак. А дальше, стало быть, пойдёт власть необитаемой пустыни, она сильнее всех.

– Скажи, пожалуйста, Яша, нет ли в пустыне ствола на случай встречи с собаками или волками, про которых ты говоришь? – Шепнул Новиков ему на ухо.

Получив не за что сто баксов, Яша проникся уважением к нему и серьёзно, не коверкая слов, ответил: – Да как не быть, если война рядом. СПС устроит?

– Вполне, если бы ещё с двумя магазинами.

– Деньги сунь в карман, а я тебе перед отлётом вроде как пакет с лечебными травами передам. Там и пистолет с магазинами будет. Только ты не тех боишься, тебе теперь не собака бояться надо...

– Кого же мне здесь бояться, Яша, подскажи.

– Зыбучих песков, – тихо, будто вслушиваясь во что-то, доступное только ему, произнёс Яша.

– В прямом смысле слова или, или..., – Дмитрий подыскивал выражение, соответствующее словарному запасу Яши.

– В прямом или переносном смысле слова, ты хотел спросить? – Помог Дмитрию Яша. – Ты уж за дурака-то меня не

держи. Пустынник и дебил, это не равнозначные понятия, – и добавил, – предсказание – не горшок с дерьмом, оно не имеет ни точного содержания, ни запаха. Как там на английском, ты лучше меня знаешь: «Этэншэн, плиз» – вот, что такое предсказание. Предупреждён, значит вооружён.

– А зыбучие пески, конечно есть. – Кивнул он. – Сам распусти, река уходит в песок. Вода же не исчезает сразу, а вымывает его. Вот, стало быть, и провалы. Мне так учёный один иностранный объяснял. На Мёртвом море тоже можно идти по песку и вдруг провалиться под землю. Там, говорил, даже таблички специальные стоят, «дэнжероус» написано, это значит «опасно». Он всё сравнивал Мёртвое море с нашим и много общего находил. Но они там в Израиле научились пустыни осваивать, а мы нет. Много интересного знал. Жаль погиб.

– В песках?

– Да кино без Яши ушёл снимать и пропал. Яша пошёл его искать, а нашёл только кости одни обгрызены. Вроде как четвероногие виноваты. Но Яша пошёл по следу, а там у костра плохие люди сидят и делят его вещи. Вот и досравнивался. Сравнивать-то надо не только природу, но и людей, живущих в ней. Так что его уже мёртвого сожрали. Шакалы и волки, те уважают человека, а собаки – нет. Они говорят: «Знаем мы вас, людишек. Жили вместе с вами. Не за что вас уважать-то». (Для остальных Яша опять заговорил на своём просторечье, отметил про себя Дмитрий).

– Ну и что было с убийцами учёного? – спросил Виктор.

– Яша наказал их. На всю оставшуюся жизнь. Только оставшуюся жизнь забыл им оставить, – пробурчал он себе под нос. И сменил тему. – Ночью буря будет. Надо кишлаки оповестить.

Когда вертолёт взлетел, Виктор с любопытством спросил, кто такой Яша?

Темирхан рассказал, что Яша работал в спортивном лагере сторожем. При нём жила внучка, оставленная ему на попечение дочерью, сбежавшей из этих мест. Лагерь закрылся и, чем дальше уходило море, тем в большей изоляции они жили. Случилась беда – девочку укусила гюрза. Пока он достал противоядие, она умерла.

От горя Яша вроде как умом тронулся. Живёт один, как пустынный, говорит, если переедет, и без него вернётся дочь, то не сможет его найти. Документов у него нет. Ходят слухи, будто сидел за убийство, сбежал и теперь замаливает грехи и многим в беде помогает. В день рождения внучки покупает много свечей, зажигает их вокруг лагеря, объясняя: – Она с неба увидит огоньки и вспомнит о нём.

– Я нашёл его дочь в Рязани, – продолжил Темирхан, – просил её вернуться назад к нему. Пришёл по адресу. Сидит она на коленях мужика в пьяной компании. Голая грудь из халата торчит, подол задран выше пупка. Ей там весело, среди кобелей, зачем ей стареющий отец. Яше я об этом не рассказал, не стал расстраивать.

Виктор не унимался, выясняя, на что же он живёт?

Темирхан терпеливо объяснял: – В Москве на Красной площади стоит храм Покрова, который все называют храм Василия Блаженного, а Яков – наш каракалпакский блаженный. Он говорит, что думает, не взирая на должности, пользуется авторитетом как предсказатель судьбы. Ездят к нему со всего Каракалпакстана. Оставляя деньги, продукты, сколько не жалко.

Его не раз хотели упрятать в психушку за его предвиденья. Но, пользуясь моим прежним и нынешним влиянием, я его выручал. – Сказал Темирхан. – Печка-буржуйка, винтовка и армейский джип советских времён, – вот и всё, что ему нужно.

Третья часть

Внезапное нападение.

Заказчик утраивает цену.

Теория «Стакана воды»

На пути в гостиницу, после продолжительного общения с вертолётком, и апокалиптическими картинками настоящего и будущего, все впали в заторможенное состояние. Откинув назад сиденье в салоне нового фордовского микроавтобуса, Дмитрий вытянул ноги и задремал.

Его разбудил напряжённый голос Темирхана: – Похоже, господа, нас «пасут». Водитель заметил сменяющиеся друг друга две ауди с хорезмскими номерами. Говорит, видел их перед приземлением вашего самолёта в аэропорту Нукуса. За мной следить некому. Я стар для ревности жены и уже не влияю на финансы республики. Так что это по ваши души.

– Ясно, информацию кто-то слил из Москвы, ещё до вылета. Могли бы с цветами встретить, – мрачно пошутил Дмитрий. Вскоре стало не до шуток. На трассу вышли двое в форме дорожной полиции и дали знак остановиться.

– Странно, машины с номерами УД Парламента у нас не тормозят, – Темирхан был насторожен. И взяв мобильный телефон, стал звонить их начальству. Но со звонком он опоз-

дал. Двое толстозадых полицейских встали перед их фордом. А из ауди, затормозившей метрах в десяти сзади, вышли четыре типа с рывками для фото «разыскиваются особо опасные преступники».

– Я без ствола, как жеребец без хрена. – Злобно сказал Эдик. Новиков достал пистолет и торопливо вставил обойму: – Кто стрелять будет я или ты? Эдик с уважением посмотрел не него: – Лучше доверьтесь профессионалу, – и снял пистолет с предохранителя.

Когда пассажиры ауди подошли совсем близко, Он приоткрыл стекло и без предупреждения открыл огонь по ногам. Двое с матом повалились на землю, двое других успели отскочить в сторону и сунули правые руки под пиджаки.

Темирхан что-то крикнул водителю на родном языке, и тот, специально не глушивший мотор, рванул «с места в карьер». Отбросил в сторону одного полицейского и проехал по второму. Вслед открыли огонь, но преследовать убегающий микроавтобус не стали, получив неожиданный отпор.

Страсти понемногу улеглись. Только Ляля требовала с Виктора увеличенной оплаты за её пребывание в «этой песочной заднице». Виктор начал выговаривать Эдику, за то, что не стрелял на поражение и нас могли самих пострелять.

Эдик с удивлением взглянул на него: – Это же работа. Я не убийца. В следующий раз, если я окажусь на их месте, они не застрелят меня.

– Вы не о том, господа, – серьёзно сказал Дмитрий, – те,

от которых мы убежали, обязательно вернутся. Но подготовятся лучше, чем сегодня. – Он перевёл взгляд на Темирхана, ища его авторитетной поддержки.

– Не хочу вас пугать, но подозревают людей опасного человека Усмана Ходжаева, по прозвищу Чёрный Эмир. Больше так нагло здесь никто не работает. Утренние байкеры, конечно на допросе ничего не сказали, но по оперативным данным прокуратуры, это люди Ходжаева. Сам он бизнесмен, босс крупной ОПГ. Очень жесток. Играть будут без правил. Ваш альтруизм, Эдик, они не вспомнят и при случае превратят ваше тело в дуршлаг.

– Темирхан-ака, я слышал у вас назревает местный конфликт из-за нефти, газа? – Спросил Дмитрий, пытаясь перенести часть ответственности за нападение на региональный конфликт.

Темирхан внимательно посмотрел на Дмитрия: – Как вы мне сейчас напомнили вашего отца. С его умением всегда быть в курсе происходящего и за частными событиями видеть общие проблемы.

В Каракалпакстане обнаружены запасы нефти, газа, золота. Наши соседи Хорезмский вилоят (по-русски – губерния, область) претендует на их разработку, пользуясь особой симпатией к ним в Ташкенте. Каракалпаков среди населения всё меньше. Ходят сплетни о лишении нас статуса республики и снижении прав до обычного вилоята. Чтобы вам наглядно объяснить, это всё равно, что в России снизить статус Татар-

стана до Воронежской области.

Поздно вечером, в номере «люкс» небольшой правительственной гостиницы, чаще называемой «домом приёма почётных гостей», беседовали Дмитрий с Виктором «с глаза на глаз». Ни икорница с чёрной икрой, в количестве равном солидному московскому банкету, ни пахнувшая нежнее элитного парфюма дыня «Гурбек», ни шампуры с мясом молодого барашка, проложенные кусочками курдючного жира, ни бутылка французского коньяка, ни даже исполнительница танца живота, заказанная для снятия стресса, – ни что не способствовало душевному покою. Перед ними стоял тяжёлый выбор: выполнить намеченную задачу, с учётом наезда бандитов Усмана Ходжаева, или вернуть иностранному заказчику аванс, сложить чемоданчики и улететь обратно в Москву, не солоно хлебавши.

Час назад Темирхан рассказал Новикову о приватной беседе с начальником полиции и прокурором Нукуса. Первый сообщил, что день в целом прошёл в штатном режиме, но одного дорожного полицейского помяла машиной. Он в больнице, в сознание, но описывает машину нарушителя смутно.

– У Ходжаева большие связи, – заметил Темирхан, – полицейские были реальные, не ряженые. Прокурор подтвердил активное появление в городе членов хорезмской ОПГ. Максимум, на что были способны местные правоохранители, это – постоянный полицейский пост у гостиницы и платная машина сопровождения по заказу. На борьбу с людьми

Чёрного Эмира, силовики не настроены. Москва – за граница, а Хорезмский вилоят (область) – вот он, рядом.

Дмитрий вновь предложил привлечь для безопасности братьев Адашевых Рената и Рустама. Он знал их с детства. Учил читать на русском и отвечал на наивные вопросы «если ты живёшь в Москве в шестнадцатипятиэтажном доме, то видна ли с крыши Америка»? То, что земля плоская, они в детстве не подвергали сомнению. Эти два каракалпака охраняли Новикова во время командировок его отца по республикам. Вместе с ними он дрался с местной шпаной.

Шли годы, они менялись, и отец Дмитрия не раз спасал их потребность самоутверждения от уголовной статьи. Бескорыстная помощь на Востоке не забывается. Сейчас оба жили то в Самарканде, то в Бухаре, в местах, где крутились деньги, в том числе и валюта. Занимались по привычке чем-то подсудным.

– Вы извините, Виктор, но Эдик слаб как телохранитель, он не для этой страны, – говорил Дмитрий.

Виктор сообщал иностранцу по телефону об утечке информации то ли в Москве, то ли в окружении самого заказчика, и о возникших в связи с этим бандитах из соседней Хорезмской области, о борьбе за добычу нефти и газа между властными группировками, жаловался на тяжёлый климат и прочие неудобства, дабы выбить ещё «детям на молочко».

Закончив разговор, Виктор загадочно посмотрел на Дмит-

рия: – Вы поняли о чём мы договорились?

– Ни совсем, – признался Дмитрий.

Почти не пьющий, сторонник здорового образа жизни Виктор налил себе стакан коньяка и залпом выпил его: – Три цены, – он сунул дольку лимона в рот, – заказчик утраивает наш гонорар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.